

Н. Л. СУХАЧЕВ

**ИСТОРИЯ ЯЗЫКА
В ТРУДАХ ГАСТОНА ПАРИСА
И
ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА**

УДК 80/81
ББК 81.2Фр-3
С91

Рецензенты:

доктор филол. наук *Н.А. Бондарко*
канд. филол. наук *А.В. Шацков*

С91 Сухачев Н.Л.

История языка в трудах Гастона Париса и Фердинанда де Соссюра. —
СПб. : Нестор-История, 2016. — 144 с.

ISBN 978-5-4469-0930-8

В публикуемых очерках представлен один из сюжетов лингвистической историографии, связанный со становлением во второй половине XIX века французской школы научного языкознания и романской филологии. Прослеживается переход от циклической «идеи истории», еще разделяемой Г. Парисом, к осознанию реального соотношения между разнонаправленной диахронией (проспективной и ретроспективной) и синхронией в языке — к продумыванию исследовательских методов и их возможностей, состоявшемуся в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Публикация предназначена по преимуществу филологам-романистам, а также всем читателям, для которых проблемы языка и лингвистической теории, как и история языкознания, представляют интерес.

ISBN 978-5-4469-0930-8

9 785446 909308

© Н.Л. Сухачев, 2016

© ИЛИ РАН, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Подписано в печать 01.08.2016. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 9

Тираж 250 экз. Заказ № 597

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)622-01-23

О г л а в л е н и е

Предисловие	5
1. Понимание историзма в языкознании	11
1.1. Идея истории в XIX столетии	14
1.2. Понятие <i>историческая грамматика</i>	20
1.3. Из истории романской филологии	23
2. Гастон Парис	32
2.1. Научное наследие	32
2.2. Романская филология	38
2.3. Индивидуальное и социальное	53
2.4. «Органический» и «упорядоченный» язык	58
3. «Соссюровский переворот»	66
3.1. Фердинанд де Соссюр	67
3.1.1. Трехотомия <i>le langage — la langue — la parole</i>	70
3.1.2. Синхрония и разнонаправленная диахрония	80
3.2. «Давление» традиции	86
3.2.1. История и общее языкознание (А. Мейе)	90
3.2.2. «Лингвистическое введение в историю» (Ж. Вандриес)	96
3.2.3. «Миг в эволюции» (А. Сеше)	101
3.2.4. «Спонтанность» и «глубинные пласты языка» (Ш. Балли)	103
Заключение	109
<i>Литература</i>	128
<i>Указатель имен</i>	138

Contents

Introduction	5
1. Sensing of the History in the linguistics	11
1.1. Ideas of the the History in the XIX century	14
1.2. Concept of the Historical grammar	20
1.3. On the subject of Romance philology	23
2. Gaston Paris	32
2.1. The scientific heritage	32
2.2. The Romance philology	38
2.3. The Individual and the Social	53
2.4. The “organic” and the “ranking” language	58
3. The “Saussure’s rupture”	66
3.1. Ferdinand de Saussure	67
3.1.1. On the trichotomy <i>le langage</i> — <i>la langue</i> — <i>la parole</i>	70
3.1.2. The Synchrony and the differently directed diachrony	80
3.2. The “Pressure” of the Tradition	86
3.2.1. The History and the General linguistic (Antoine Meillet)	90
3.2.2. “The linguistic Introduction into the History” (Joseph Vendryes)	96
3.3.3. “The Instant in the Evolution” (Albert Sechehaye)	101
3.4.4. The “Spontaneity” and the «Underlying Strata of the Language” (Charles Bally)	103
Conclusion	109
<i>Bibliography</i>	128
<i>Index of the names</i>	138

1. ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

«Философия истории — это кентавр, *contradictio in adjecto*; ибо история, то есть координация есть нефилософия, а философия, то есть субординация есть неистория»

*Якоб Бурхардт. «Размышления...»*¹

Характерное в большей мере для отечественной науки, чем для западноевропейской, мнение об особом «историзме» языкознания XIX в. является несомненным преувеличением. Речь могла бы идти, как и для предшествовавших эпох, лишь о вовлечении собственно исторической или мировоззренческой компоненты культуры в исследования языковедческой направленности. К этому добавилась более последовательная разработка *на д и с т о р и ч е с к о г о* компаративистского подхода к изучению языков, оказавшихся в поле зрения европейских эрудитов, что, в частности, привело к вычленению индоевропейской семьи из языкового континуума (Сухачев 2007: 20), который просветителями привычно воспринимался как некая вневременная и, пожалуй, символическая (знаковая) по своей природе человеческая универсалия². А сравнение сводится ско-

¹ Бурхардт Я. Размышления о всемирной истории // Пер. с нем. А. В. Дронова и А. Г. Гаджикурбанова; послесл. А. Г. Гаджикурбанова. М., 2014. С. 12 (1-е нем. изд.: 1905).

² Ср.: «Благодаря языку мыслящая душа моя связана с душою первого, а может быть, и последнего человека на земле; короче говоря, язык — это *печать* (выделено мной, — Н. С.) нашего разума, благодаря которой разум обретает видимый облик и передается из поколе-

рее к систематизации изучаемого материала по определенным критериям и продумыванию причинно-необходимых связей между сходными явлениями, чем к их осмыслению в реальном историческом контексте. Впрочем, само время, несомненно, предстает в качестве упорядочивающего начала, приводящего изначальный хаос разнообразных событий к последовательному их множеству, что соотносится, в частности, с подмеченным Ф. де Соссюром принципом *линейности* знаковой системы. Хотя, трехмерность событийного мира более адекватно должна бы отражаться «в трехмерном мире языка» (напр., см.: *Степанов* 1985).

Сколько-либо разработанные концепции истории языка намечаются только в конце XIX — начале XX столетия. С этого же времени начинается основательный пересмотр методов и источников самой исторической науки. Не случайно коллективная монография, посвященная представлениям о развитии языка в первой половине XIX века (*Понимание...* 1984), открывается статьей о повороте научной мысли к историзму на фоне трудов И. Г. Гердера («Идеи к философии истории человечества», 1784–1791) и Г. Гегеля («Феноменология духа», 1805–1806).

Хронологически, вроде бы, представления об изменении «в языкознании возникли раньше, чем в биологии» (*Кузьменко* 1984: 47):

«Уже в XVI—XVII вв. появляются работы, показывающие, что современные романские языки произошли из латыни, а современные германские — из готского» (там же).

Вместе с тем, на разброс мнений о возникновении языка или языков и о причине различий между ними несомненно влияла не только креационистская идея «об одновременности происхождения мира», но и особое понимание слова-логоса как «Библии», так и в суждениях о языке от Платона и Аристотеля

ния в поколение» (*Гердер* 1977: 236). При слове *печатать* переводчик (А. В. Михайлов) уточняет: «У Гердера здесь стоит слово *характер* (подразумевается греческое *charactēr*). Это слово, как и другие, близкие к нему по значению (Typen, Merkmale, Ideenzeichen, Denkmale, Hieroglyphen, Symbol, Ziffern и мн. др.) образует тут у Гердера хорошо разработанную картину знаков-отпечатков, “черточек”, букв (характеров), загадочным, но надежным образом запечатляющих и порождающих смысл» (там же: 661).

до мыслителей Просвещения. И если, по Гердеру, «род человеческий погружен в одну непрекращающуюся метаморфозу» (Гердер 1977: 170; ср.: Смирницкая 1984: 9), этому предшествует посылка, что Бог научил человека искусству «запечатлеть свои идеи в звуках»:

«...называть вещи звуками речи и царить на всей Земле с помощью глаголов, исходящих из уст человека. Итак, всякий разум, всякое искусство человека начинается с языка; ибо лишь благодаря языку человек царит и над самим собою и властен раздумывать и выбирать» (там же: 98).

Представления о развитии языка естественным образом сопригались с тем, что в определенную эпоху понималось под культурно-исторической традицией. Этим обусловлен вывод:

«В языкознании в отличие от биологии структурная иерархия сразу же стала восприниматься как иерархия генетическая» (Кузьменко 1984: 47).

Все-таки, последняя то и дело переплеталась и смешивалась с *иерархией типов*. Показательно, например, замечание Ф. де Соссюра в заметке к лекционному курсу 1908—1909 гг. «Уитни и роль индоевропейского языкознания»:

«Не стоит поддаваться несколько детской иллюзии и полагать, что французский, английский или немецкий, будучи нам близки, являются собой более *простой тип языка* (выделено мной, — Н. С.), по сравнению с древнееврейским или китайским, одно название которых всегда вызывает представление о *summit* (здесь ‘пределе’, — Н. С.) языковой сложности <...> то же самое можно сказать об исходном состоянии индоевропейского языка в том виде, в каком мы его воссоздаем с помощью метода реконструкции...» (Соссюр 1990: 174).

Своеобразно понимание «генетического» даже у основателя «сравнительной антропологии» — В. фон Гумбольдта, утверждавшего: «каждый язык заключается в акте его реального порождения» (Гумбольдт 1984: 70)¹.

¹ Оформи́вшаяся к 1795 г. концепция сравнительной антропологии была нацелена на выявление духовной организации различных народов. Та же задача стояла перед Гумбольдтом в сочинении «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества» (1830–1835). Акт «реального порождения» согласуется с принципом: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а

Речь идет о г е н е з и с е , отчасти понимаемом еще в согласии с креационистской идеей происхождения человека и его языка. Она не препятствовала стадиальным теориям, развивавшимся компаративистами в XIX веке. Библейская история ничуть не противоречит сравнительно-историческому методу во всех его вариациях, вплоть до ностратических гипотез, допускающих в конечном счете изначальное родство всех известных исторических языков, которые еще в XVII в. возводились к *языку Адама* (см.: Эко 2007: 17–20, 300 и сл.). Открытие компаративистами индоевропейской языковой семьи, ее вычленение из континуума универсального «адамова языка», не принуждало к восстановлению первоязыка. Тем более не требовали этого прочно устоявшиеся представления о близком родстве романских языков между собой и с латинским, от которого эти «неолатинские наречия» отпочковались.

Вопрос о том, как соотносятся между собой язык и история, впервые отчетливо был поставлен в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Это не означает, что историческое осмысление языка было совершенно чуждо его предшественникам, но чаще речь шла об отражении истории в «зеркале языка», чем о *продумывании специфических связей между языком и историей*.

1.1. Идея истории в XIX столетии во многом оставалась романтизированной и тяготела к циклическому пониманию «прогресса» и «упадка» человечества, восходящему чуть ли не к трактату Дж. Вико «Основания Новой науки об общей природе наций» (1725), различавшему в повторяющейся истории каждого народа три «возраста» — «божественный», «героический» и «человеческий». Если и д е я и с т о р и и , обнаруживающаяся у Г. Париса (см. раздел 2.4), вписывается в обрисованную картину, Соссюр задает уже новое ее понимание, требующее, по крайней мере, помимо учета общего культурного фона, также осмысления специфики преломления исторических факторов через призму исследуемого объекта — *языка вообще* (le lan-

деятельность (Energeia). Его порождение может быть поэтому только генетическим» (Гумбольдт 1984: 70, статья 1820 г.), откуда: «Определение языка как деятельности духа совершенно правильно и адекватно уже потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности и в качестве таковой» (там же).

gage). То или иное его теоретическое моделирование жестко обусловлено пониманием отношений, складывающихся в сфере сознания между личностным *смыслом* и социально обусловленным *значением*. Речь при этом идет о корректном продумывании знаковой теории, включающей «теорию значения», которая, если к ней присмотреться, все еще сводится к констатации засвидетельствованных в истории определенного языка значений слов и к более или менее удачным попыткам толкования семантических сдвигов, наблюдаемых в процессе их анализа. Так, в своих женевских лекциях по общей лингвистике Соссюр отмечал (запись А. Ридлингера, курс 1908—1909 гг.):

«Часто Боппу противопоставляют Гримма как основателя исторической грамматики. Можно только сказать, что Бопп преимущественно занимался сравнением (у Боппа отсутствует действительно историческое виденье языка!), Гримм имел дело с более историческим материалом (древне-верхне-<немецкий,> средне-верхне-немецкий: от **столетия** к столетию видны изменения языка и заметно его течение), что вело его к более историческому изложению предмета. Но нельзя сказать, что Гримм был <основателем принципов исторической грамматики>. Некоторые фантазмагии у Гримма доходят до крайности <...> Это же не означает отдавать себе отчет в историческом движении (action) языка» (Saussure 1989: 15, col. 2, II R 131).

Характеризуя программу младограмматиков, «в основном германистов», Соссюр в том же лекционном курсе утверждал (запись Э. Константена):

«Сколь ни разумной представляется нам сегодня историческая точка зрения, можно заниматься сравнением, не занимаясь историей, — это то, что и делалось» (ibid: 17, кол. 2, С 116)].

В следующем семестре аналогичное замечание (запись Ж. Дегаля, курс 1910—1911 гг.):

«Имелась *историческая перспектива*, и через эту перспективу — настоящее нанизывание **фактов**» (ibid: D 2).

Приведенные констатации несколько проясняют наброски Соссюра к первой женевской лекции, помеченные автором ноябрем 1891 г. Из них следует, что «*язык имеет свою историю*», но лингвистика, как и геология, изучающая историю Земли, не сводится к *исторической науке*:

«по крайней мере в том узком и точном смысле, который мы придаем этому термину» (Соссюр 1990: 41).

Кроме того, «предмет изучения истории» представляет собой

«в некотором смысле *человеческие действия*, направляемые волей и разумом человека, которые к тому же должны относиться не только к отдельному индивиду, но и ко всему человеческому коллективу <...> из всех сопоставимых действий языковой акт, если его можно так назвать, имеет характер наименее осознанного, наименее обдуманного заранее действия и в то же время наиболее безличного из всех действий» (там же).

Для Соссюра язык не является объектом сугубо исторического наблюдения также на том основании, что

«Язык варьирует во времени, и в то же время он варьирует, или разнится, в пространстве. Язык, взятый в два разных момента времени, не тождественен самому себе...» (там же).

Соответственно, вместо *истории языка* автор «Курса...» предпочитает акцентировать факт «*непрерывности языка во времени*» (и в пространстве). Элементарный и очевидный для женеvского лингвиста «принцип непрерывности» утверждает:

«нигде и никогда в истории не наблюдаются разрывы в непрерывной нити языка, и невозможно логически и *a priori* представить себе, чтобы такой разрыв мог где-либо и когда-либо произойти» (там же: 42).

В развитие этих наблюдений в заметках к докладу об У. Д. Уитни (ноябрь 1894) в связи с рассуждениями о знаковом характере языка сформулирован принцип «антиисторичности языка», в обоснование которого втянуты привычные соссюрские сравнения с шахматной партией и минералогией:

«Мы не имеем права делать какие-то обобщения, и нет *никакого смысла* их делать, например, в отношении какого-нибудь тетраэдриковидного (?) кристалла¹, прежде чем не выясним и не сформулируем четко, будет ли идти речь об условиях формирования этого кристалла в том или ином месте — это дело *истории* — или же о том, чем он является, например, по отношению ко всем триэдриковидным кристаллам <...> Предпринимать обобщение, в котором эти два аспекта учитывались бы одновременно, абсурдное занятие.

¹ В цит. изд. отмечено противоречие с последующим контекстом. Правда, оно не вполне очевидно, так как Соссюр явно подразумевает разные структурные (родовые), а не качественные (внутриродовые) типы кристаллов.

Именно такого рода абсурд лингвистика, как она сложилась со времени своего зарождения, хочет навязать разуму <...> Все без исключения способы выражения, которые иногда как бы устанавливают связь между явлениями в [вертикальной] и горизонтальной плоскости, представляют собой образные выражения. Досадным является также и то, что нельзя ни обойтись без этих образов, ни решиться [принять их]» (там же: 100–101).

Против «нанизывания фактов» квазиисторической природы высказывался и Г. Парис, хотя можно было бы утверждать, что, так же как у «основателя исторической грамматики» в германистике Я. Гримма, у него был «более исторический материал». В целом филология из-за своей культурной фактурности явно ближе к истории, чем лингвистика. Все же вклад Париса в становление лингвистической мысли во Франции остается фактически недооцененным. «Самый выдающийся представитель французской филологии XIX столетия», по определению Й. Йордана, удостоился в его истории романского языкознания лишь упоминания в качестве «...непосредственного или косвенного учителя французских романистов последующих лет» (Йордан 1971: 31).

В цитированном выше наброске к первой женевской лекции (ноябрь 1891 г.) Ф. де Соссюр отмечает заслуги Г. Париса — что важно! — в связи с модусом осмысления «истории языка» как лингвистического факта:

«Я искренне рад, что самый выдающийся романист нашего времени, бесспорный глава нашей науки, который вот уже двадцать лет направляет все развитие филологии, г-н Гастон Парис посчитал бесполезным объявить беспощадную войну двум из наших самых обычных и с виду невинных оборотов речи. Во первых, это выражение *французский язык происходит от латыни*, или же: такое-то слово, например, *chanter* происходит от латинского *cantare*. Французский язык не *происходит* от латыни, он и *есть* латынь, на которой говорят в определенную эпоху и в определенных исторических границах <...> Другое же образное выражение, над которым мы собираемся устроить экзекуцию вместе с г-ном Гастоном Парисом, — это выражение *французский язык — сын латыни*, или *латынь — мать романских языков*. Среди языков нет ни сыновей, ни матерей <...> предшествующий язык не производил на свет и не давал толчок к рождению нового языка; подобное находится за пределами наблюдаемого и воображаемого, если учитывать обычные условия, в которых каждый из нас говорит на своем родном языке» (Соссюр 1990: 43).

Пафос автора направлен не столько на категорическое отрицание соответствующих «оборотов речи», сколько призван обратить внимание на такие «образные выражения», используемые лингвистами, которые оставляют непродуманными реальные отношения между языковыми фактами, вовлекаемыми в исследование, на то, чтобы проиллюстрировать непродуманность иных дефиниций и привычных словоупотреблений, затемняющих сущность рассматриваемых явлений языка.

Само по себе отношение к «историческому» в индоевропеистике и в романистике вряд ли могло бы быть обусловлено заметной отдаленностью исследуемых «языковых состояний» во времени, то есть различиями в природе исследуемых объектов. Над их принципиальной несопоставимостью, кажется, никто особенно и не задумывался. Такое несоответствие объектов исследования, будь оно осознанным, скорее всего, могло бы видоизменить лишь частные методы сравнительно-исторического анализа, не меняя общего восприятия эволюции языка и его закономерностей. Собственно «историзм» национальных филологий (германской и французской прежде всего, как и русской) сводился, как мне кажется, к непосредственному вовлечению в литературоведческий, фольклористический, языковедческий контексты сугубо исторической фактуры, если исключить более или менее удачные попытки проникновения в «психологию» изучаемой эпохи.

Применительно к индоевропейской реконструкции, не располагавшей чисто историческими фактами, обращение к такого рода внелингвистическим аспектам породило, например, культурологическое течение «палеолингвистики» А. Пикте¹, подхва-

¹ Явно исторический параграф в «Курсе...» Ф. де Соссюра представлен лишь в связи с этим сюжетом (см.: *Соссюр* 1999: 224–227, § 3. Лингвистическая палеонтология). Чаше употребляются понятия «диахрония» и «время». В связи с противопоставлением синхронического и диахронического исследования (там же: 100) Т. де Мауро отмечает: «Использование термина *исторический* как противоположности термина *статический* принадлежит издателям и отсутствует в рукописных первоисточниках; в действительности, по-видимому, с определенного момента Соссюр начал думать, что термин “исторический” может использоваться как по отношению какому-либо состоянию, так и к эволюции состояния» (см. там же: 364, — прим. к с. 100).

ченное О. Шрадером, П. фон Бадке, Г. Хиртом (см.: Сухачев 2007: 35–46). Социально-исторический аспект исследуемых явлений представлен так называемой *психологией народов*, которая лишь в последней трети XIX в. под влиянием У. Д. Уитни — а затем и Э. Дюркгейма — постепенно начинает вытесняться социологическими критериями, не компенсирующими сугубо исторического понимания предмета исследования. Причем, влияние привычного филологического «психологизма» продолжало сказываться даже в *социологической школе* А. Мейе. Против подобных подмен истории психологией или социологией и направлен пафос Соссюра в «Курсе общей лингвистики» (в лекционном курсе, студенческие конспекты которого были использованы Ш. Балли и А. Сеше). Не следует забывать, что компаративистика потеснила традиционные для Франции логико-грамматические учения:

«Оттолкнувшись в начале XX в. от общей грамматики, лингвистика теперь возвращается к постановке общих вопросов. Научная лингвистика долгое время отождествлялась с исторической лингвистикой <...> Но тогда как прежняя общая грамматика опиралась на логику и старалась объяснить а priori первоначальные факты воображаемого *органического периода* (выделено мной, — Н. С.), нынешняя общая лингвистика, опирающаяся на исследование фактов прошлого и настоящего, стремится выяснить не то, как образовался язык, как впервые возникли грамматические формы, но в каких условиях, согласно каким законам — либо ограниченным в пространстве и во времени, либо постоянно действующим — наблюдаемые факты сосуществуют и сменяются одни другими» (Мейе 1938: 471).

Ф. де Соссюр отрекался не от компаративизма, но от квази-историзма, стремясь к тому, чтобы принципы и методы общей лингвистики были всесторонне продуманы с логико-философской точки зрения¹. Г. Парис, в свою очередь, содействовал вос-

¹ Ср.: «Среди его источников явно представлены сами исторические грамматики, рассмотренные с точки зрения общих размышлений, инспирируемых ими на фоне романтизма, историцизма, эволюционизма и органицизма <...> Большой частью соссюровская метафизика пропитана идеями Просвещения — в такой же мере размышлениями метафизиков, как и собственно лингвистическими трудами грамматистов: его метафизика использует просветительскую мысль, целиком обновляя ее суждения и понятия» (Bouquet 1997: 214).

приятию компаративизма французскими языковедами, но как текстолог историю языка он привычно воспринимал в контексте культурной традиции — сквозь призму литературы.

1.2. Понятие *историческая грамматика* или сравнительная (la *grammaire historique, grammaire comparée*), возможно, впервые введено «отцом романистики» Ф. Ренуаром, который воспользовался им в первом томе своего труда о трубадурах (1816). В широкий обиход соответствующий термин вошел благодаря Ф. Боппу (1833). По наблюдениям Г. Бергунно, в начале XIX в.

«французские филологи в грамматике делали больший упор на синтагматику (порядок слов, правила согласования), чем на парадигматику, откуда недоразумения о значении “сравнительной грамматики” в момент появления этой дисциплины» (*Bergougnoux* 1984: 9, п. 6).

Отголоски противопоставления сравнительно-исторического метода и логических грамматик, отчетливые на первых этапах становления компаративистики, звучат вплоть до начала XX в. Так, для Соссюра грамматика

«...в правильном ее понимании является не чем иным, как историей языка, и поскольку во всякой истории много лакун, ясно, что сравнение языков иногда становится нашим единственным источником информации <...> но в общем оно всегда представляет собой лишь крайнее средство. Итак, грамматика становится по необходимости сравнительной, когда достоверные и конкретные свидетельства отсутствуют; сравнение не характеризует какое-либо особое направление, школу или метод» (*Соссюр* 1990: 64).

Историко-грамматические исследования, охватывающие фонетический, морфологический и лексико-семантический уровни языка, зарождаются во Франции лишь в 70-х гг. XIX в. под влиянием Г. Париса, П. Мейера, М. Бреалья:

«Полен Парис или Шарль Нодье были связаны с романтиками. Гастон Парис или Мишель Бреаль пытаются найти новую мысль (*une référence*) в среде химиков, молодых историков и медиков. Взгляд на мир должен обрести новое оправдание в рациональности, мыслимой по образцу признанных наук — объективность, замкнутость объекта, система правил, экспериментальная проверка <...> Группа студентов, специалистов по исторической грамматике, появилась на немецком лингвистическом рынке, чувствительном к необходимости научного подхода, в конце 1860 годов <...> компаративисты-